

Владимир Одоевский

Психологические заметки

Владимир Одоевский

Психологические заметки

«Public Domain»

1843

Одоевский В. Ф.

Психологические заметки / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1843

ISBN 978-5-457-12686-2

«Есть слова, которые мы часто употребляем, не обращая внимания на их глубокое значение; мы говорим: «Это противно внутреннему чувству, этим возмущается человечество, этому сердце отказывается верить». Какое чувство породило эти выражения? Оно не есть следствие рассуждений, не есть следствие воспитания, — одним словом, не есть следствие разума. Вы видите казнь преступника; разум убеждает вас, что она необходима, но было бы противно внутреннему чувству не скорбеть о нем. Разум уверяет вас, что вы должны умерщвлять своего противника в пылу сражения, — но спросите самого храброго воина, что ощущает он, проходя по полю битвы после сражения? Ведь эти раны были необходимы, эти страдания суть необходимое следствие правой битвы, отчего же его сердце трепещет, отчего дрожь проходит по его телу, отчего его человечество возмущается? Отчего иногда, как самое сердце ваше поражено какой-либо страстью, и рассудок уверяет вас, что вы можете предаться ей безопасно, но еще какое-то внутреннее чувство вас удерживает?»

ISBN 978-5-457-12686-2

© Одоевский В. Ф., 1843
© Public Domain, 1843

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	11
--	----

Владимир Федорович Одоевский

Психологические заметки

Химики и другие естествоиспытатели имеют обыкновение вести журнал при своих опытах; в такой журнал они вносят все замеченное ими в продолжение явления, иногда подробно, иногда одним только указанием. Естественно, в сих замечаниях встречаются неполнота, ошибки, противоречия, но в том и польза сих заметок, ибо едва ли ошибки и заблуждения не столь же подвинули вперед науку, сколь и удачные опыты; часто в ошибке, в противоречии заключается прозрение в такую глубину, которой не достигает правильный, по-видимому, опыт; без заблуждений алхимиков не существовала бы химия; Ломоносов справедливо заметил, что неосторожность Рихмана, приблизившегося во время грозы к громоотводу, была прямым опытом, доказавшим тожество между молнией и электричеством; слишком неудачный опыт привел Дюлона к открытию странного тела, известного под названием хлористого азота, которому, кажется, суждено играть некогда важную роль в химических приложениях. Каждый из нас ежедневно и невольно производит подобные опыты над своею душою – при собственном ли ее на себя воздействовании, при встрече ли с внешними предметами. Вот журнал, веденный в продолжение многочисленных психологических процессов; может быть, он когда-нибудь пригодится на что-либо будущему духоиспытателю.

Есть слова, которые мы часто употребляем, не обращая внимания на их глубокое значение; мы говорим: «Это противно *внутреннему* чувству, этим возмущается *человечество*, этому *сердце* отказывается верить». Какое чувство породило эти выражения? Оно не есть следствие рассуждений, не есть следствие воспитания, – одним словом, не есть следствие разума. Вы видите казнь преступника; разум убеждает вас, что она необходима, но было бы противно внутреннему чувству не скорбеть о нем. Разум уверяет вас, что вы должны умерщвлять своего противника в пылу сражения, – но спросите самого храброго воина, что ощущает он, проходя по полю битвы после сражения? Ведь эти раны были необходимы, эти страдания суть необходимое следствие правой битвы, отчего же его сердце трепещет, отчего дрожь проходит по его телу, отчего его человечество возмущается? Отчего иногда, как самое сердце ваше поражено какой-либо страстью, и рассудок уверяет вас, что вы можете предаться ей безопасно, но еще какое-то внутреннее чувство вас удерживает?

Говорят: следствие понятий, полученных при воспитании. У индийского владельца рождаются дети, они каждый день видят, что негры не люди, что их можно сечь ежеминутно; они привыкли к этому, но вдруг в одном из детей возбуждается жалость к сим несчастным. Откуда взялось это чувство?

Следственно, есть в человеке нечто такое, что не подходит ни под одно из школьных подразделений души, что не есть ни совесть, ни сердце, ни страсть, ни рассудок и что мы назовем условно, не зная лучшего выражения, *нравственным инстинктом*, однако же не в смысле Гутчесона ^[1].

В сем нравственном инстинкте, кажется, лежит основание всех наших знаний и чувствований; он отнюдь не одинаков у всех людей; всякий имеет его в разной степени; ближайшие степени понимают друг друга, отдаленные не понимают; мы нашими знаниями и действиями должны бы развить это чувство, но мы не замечаем его в чад внешних предметов; мы следуем указаниям страстей, расчетов, систем. К сему чувству должен обращаться ученый, а тем более поэт; ученый, обращающийся к сему чувству, поэтизирует науку, поэт делается предвещателем. Может быть, если бы люди, сбросив с себя оковы всех своих мнений, предались сему нравственному инстинкту, тогда бы они, как разные звуки, могли составить общую гармонию; может быть, оттого тщетно мы хотим построить наши Науки, Искус-

ство, Общество, что не хотим знать этого естественного камертона. Может быть, человек знал его и удалился от него или, лучше сказать, развивая другие свои способности, оставил нравственный инстинкт в забвении. Может быть, так и надлежало: может быть, существует порядок, в коем постепенно должны были развиваться силы человека; до времен И. Христа инстинкт был совершенно забыт; его появление современно земному странствованию спасителя. Сие направление отразилось в изменении древних кровожадных и преступных систем, в возвышении искусства музыки на степень духовную и предпочтительно пред пластическими искусствами. (Различие между музыкой древней и новой^[2]. Различие в понятиях о древней языческой и христианской добродетели).

Нравственный инстинкт требует развития, как всякая другая сила человека; удивляются, отчего поэзия ныне ослабевает в действии своем на общество? Но есть ли у нас особое воспитание для поэтов? Общество образует чиновников, воинов, правоведов, ремесленников – но для поэта нет воспитания. Душа его не сохраняется в той независимой чистоте, которая может нас довести до высшего развития нравственного инстинкта; есть такие ощущения в душе человека, которые действуют на всю душу симпатически и как бы отнимают у нее одну или две из сфер ее деятельности, как капля опиума, принятая в желудок, дает превратное действие мозговым органам. Человек, однажды, заразившийся известною болезнью, сохраняет ее на всю жизнь и даже передает детям. Высокую мысль имел Шиллер, представив в Жанне д'Арк силу пророчества, исчезающую от одного земного взгляда. Где же поэту у нас прожить безгрешно? Где он может достигнуть до своей самобытности? Поэтический дух в нем действует; но, не проникая до самого себя, поэт выражает чувства, возбужденные в нем природою, возбужденные выражением чувства других людей, себя, этого святилища человечества, он не выражает. Вместо звания действителя он носит звание воспринимающего. Его поэтический дух преломляется о все, его окружающее, и мы видим одни косвенные лучи его. Недаром у многих народов поэты составляли особенную касту или соединяли свое звание со званием жрецов.

Человеку должно знать не одно прошедшее, забывая о настоящем; равным образом ему не должно знать одного будущего, забывая о настоящем. Знание и соображение с одним прошедшим ввергает человека в летаргию; знание и соображение с одним будущим ведет к беспредметной деятельности и, следовательно, вредной, ибо вред в некотором смысле есть не что иное, как следствие деятельности, направленной к цели, отдаленной от настоящего момента. Представитель прошедшего есть наука, представитель будущего поэзия; представитель настоящего – безотчетное верование. Без сего ощущения человек не решился бы сделать ни шага, ни вымолвить слова; оно действует независимо от его воли, иногда в одежде науки или поэзии, но оно одно дает значение и характер науке и поэзии данной эпохи. Посему одна из главных причин каждого действия человека есть такое ощущение, которое ему вовсе не понятно. Это ощущение соединяет для него прошедшее и будущее в один момент, который однако же не есть ни прошедшее, ни будущее. Из сего открывается необходимость для человека сознать себя в настоящую минуту, знать свой возраст и положение – и по сему образовать для себя свою науку и свое искусство. Тогда, когда каждый индивидуум будет знать звук, который он должен издавать в общей гармонии, тогда только будет гармония. Разумеется, наука может быть пиитическою, т. е. предугадывать будущее, поэзия может быть ученою, т. е. восстанавливать прошедшее (Шекспир, Данте); но верование всегда останется представительницею текущего времени; может быть, лишь сим путем человек может постигнуть *сигнатуру* того момента, в котором находится человечество в системе миров, где есть свои времена года, свои весна, лето и осень.

В Хили^[3] (Memorial Encyclopedique, 1834, э 2) открыли следы города, носящего признаки образованности, не могшей существовать между туземцами. Вопрос, какие были это народы? – может быть, не столько любопытен, сколько следующий: как потерялась образованность этого народа, потерялась так, что даже не осталось ни одного памятника, который бы о нем свидетельствовал? Может быть, на этот вопрос можно отвечать только представив себе, что бы случилось (и что может случиться) с Европой, если бы только одна наука, одно образование разума завладело ею. Спрашивается: неужели во время падения этих народов не являлись люди, одаренные силою духа, могшие остановить их над пропастью. Были, но или голос их проповедовал в пустыне, или, оскорбленные всем виденным, они углублялись в самих себя, оставляя людей их собственной участи, или, наконец, измученные тщетным борением, умирали, не дойдя до половины пути жизни, так что им почти физически невозможен был этот преступный воздух для дыхания. Горе тому народу, где рано умирают люди высокого духа и живут долго нечестивцы! Это термометр, который показывает падение народа. Пророки умолкают!

Одно материальное просвещение, образование одного рассудка, одного расчета, без всякого внимания к инстинктуальному, невольному побуждению сердца, словом, одна наука без чувства религиозной любви может достигнуть высшей степени развития. Но, развившись в одном эгоистическом направлении, беспрестанно удовлетворяя потребностям человека, предупреждая все его физические желания, она растлит его; плоть победит дух (сего-то и боится религия); мало-помалу погружаясь в телесные наслаждения, человек забудет о том, что произвело их; пройдет напрасно время, в которое бы человек должен был двинуться далее; но в природе не даром летит это время; природа, покорная (без свободной воли) вышним судьбам, совершит путь свой и вдруг явится человеку с новыми, неожиданными им силами, пересилит его и погребет его под развалинами его старого обветшавшего здания! Такова причина гибели стольких познаний, которыми древние превышали новейших. Так будет и с нами, если религиозное чувство бескорыстной любви не соединится с нашим просвещением.

Так погибла мудрость народов безымянных, мудрость индийская, египетская, греческая, римская! Тщетно мы берем себе в образец мудрость древних. Очарование, произведенное древними рукописями в средние века, много остановило успехи человечества; оно заставило его жить умом прошедшего вместо того, чтобы жить умом будущего. Против сей-то тщеславной мудрости восставало христианство, сию-то мудрость неверие XVIII века противопоставило христианству. Едва ли и XIX веку суждено освободиться от оков прошедшего, от его детского платья, в котором связаны все его движения. Если со вниманием рассмотреть все несчастья нынешнего общества, то найдем, что основанием каждого из них есть какая-нибудь мысль древней мудрости, от ветхости времени опростонародившаяся. Если перенести героев древних во всей их полноте в наше время, они были бы величайшими злодеями,^[4] а наши преступники были бы героями древности.

Предметы истины, сказал некто, имеющие цель естественную, в продолжение времени совершенствуются, а не искажаются, и чем более для них прошло времени, тем с большею силою должны развиваться их красота, величие и простота – или, лучше сказать, тем ближе они должны находиться к чистым и живым законам той первой идеи, которую должны выражать все существа, каждое на своей степени. С этой-то точки зрения должно смотреть на науки и искусства, дабы видеть, которые из них на прямом пути, которые совратились.

Посмотрим же, какие знания могли быть у древних; я говорю не о тех знаниях, о которых сведения сохранились для нас в отрывках греков и римлян, не о тех, о которых воспоминание сохранилось в так называемых баснословных преданиях древности.

Уже давно истребилось мнение, что иносказания были выдумкой стихотворцев;^[5] иные думали в них видеть оболочку искусства, земледелия (Курт Жебелин);^[6] иные ближе были к истине, отыскивая в иносказаниях сокровеннейшие тайны физической части вселенной (Пернетти и другие герметические философы)^[7] Но все эти объяснения противны законам ума человеческого. Возможно ли высшими предметами прикрывать низшие? Брать божество, человека для прикрытия посева грубых семян или¹ метаморфоза минералов. Мы всегда облакаем лишь самые отвлеченные понятия в чувственную оболочку для того, чтобы их сделать осязаемыми, – мы духовному придаем вещественный образ; так должно было быть и в древних иносказаниях, сохранившихся у всех народов, разделенных далекими пространствами и между тем всегда в главных положениях сходных между собою.

Что всего яснее видим мы в сих иносказаниях? Божество, снисходящее в человека, человека, возвышенного до степени божества, – словом, необычайную, непонятную нам силу человека. Здесь титаны, воюющие с небом; здесь Сатурн, отец богов, царствующий на земле; Прометей, похищающий божественный огонь; каким образом могли бы войти в голову человека все эти иносказания о подобной силе человека, если бы действительные предания не скрывались под ними? С ослаблением инстинктуальной силы усиливалась рациональная. Пока не укрепилась сия последняя, человечество жило произведениями своей инстинктуальной силы; знание о сатурновом кольце прежде телескопа, эластическое стекло – суть остатки сих инстинктуальных знаний; велики были они, и в сем смысле древние знали больше нашего. Ослабевая постепенно, инстинкт исчез совершенно в конце древнего мира, и рассудок, оставленный самому себе, мог произвести лишь *синкретизм*; дальше сего он не мог идти; род бы человеческий погиб, как погибли безымянные народы, если бы в то же время не возбудился новый инстинкт человека. Тогда инстинкт был привит к грубому произведению природы, теперь – к человеку, развившемуся во внешность силою собственной воли, тогда к сомнамбулу, ныне к бодрствующему. Раннее прядение шелка из паутины шелковых червей в восточной Азии предполагает высокую образованность, там некогда существовавшую. Вообразите себе все ступени, которые должно было пройти для того, чтобы заметить этих червей, уметь их воспитывать, приготавливать кокон, потом вообразить, что их паутина может образоваться в нить. Это остаток, свидетельствующий о многообразных знаниях.

Есть лета в жизни человека, в продолжение которых он живет, что говорится, наудалую, делает, что ему на ум взбредет, не спит по ночам, предается всем порывам страстей, не брежет ни о своем спокойствии, ни о здоровье – и между тем все ему сходит с рук; он и здоров, и бодр; желудок его варит, он деятелен, даже как будто и все дела его ему лучше удаются, по крайней мере он все потери переносит с большой беззаботностью; такой человек живет настоящим и не думает о будущем, и так может он прожить лет до 30-ти или до 40-ка, смотря по его организации. С 5-м десятком здоровье его начинает расстраиваться, деятельность и бодрость его уменьшаются, уменьшается с тем вместе и вера в самого себя – и оттого перестают для него удачи. В это время он должен жить уже искусственной жизнью, он не может уже приобретать здоровья, но, пользуясь своею прежнею опытностью, лишь поддерживает его; его друзья, помнившие его прежнюю силу и потому верившие в него, один за другим умирают – ему надобно одному лавировать между скалами жизни; сокровище знаний делается ему недоступным, а может, он только вспоминает о них; если же он в продолжение своего возвышающегося периода расстроил свое тело и душу, наполнил тело семенами болезней, душу растлил до вещества, сердца не облагородил терпимостью и любовью к людям –

¹ В подлиннике: «их». – *Ред.*

грехи его скопляются над ним, как грозная туча, вянет его ум, терзается тело, скупает сердце – и он или быстрее погибает, или незаметно доходит до последней степени унижения.

То же бывает и с народом – если во время своего возвышающегося периода он презрел просвещение, если его сердце не проникнуто истинною религиею и погрязло в неверии, суеверии, фанатизме; если вместо того, чтобы все минуты силы своей употребить на собрание сокровищ ума, на победу над окружающею его природою, он провел время силы в бесплодных прениях и интригах честолюбия, если, увлеченный блеском славы, он презрел святую христианскую любовь к человечеству, его грехи скопляются над ним в грозную тучу; наступит время бессилия; не приготовленный прежнею жизнью, развращенный самолюбием, изржавленный невежеством, он ничего не будет в силах противопоставить другим, свежим народам, выступающим на поприще жизни, ничего противу сил природы, ежеминутно готовых разразить человека, не постигнувшего ее таинства, народ слабеет, дряхлеет – и незначительный удар стирает его с лица земли.

Причина падения народов не в одних политических происшествиях, но в нем самом, в том роде жизни, который он сам для себя избрал.

В человеческом организме осталось как бы воспоминание о его инстинктуальной жизни: младенец, едва родившийся, бросается на материнскую грудь; мы имеем сны, предчувствия, симпатию и антипатию; мы совершаем разные действия невольно, по причинам, нам не известным. Долго было непонятно, отчего простолюдин, желая придать себе храбрости, заносит руку за ухо, отчего мы, желая что-либо вспомнить, трем себе лоб. Галлевы замечания об органах до некоторой степени пояснили эти странные и непонятные явления; невольное чувство, которое заставляло нас смотреть с участием на больного, держать его руки, голову, – обратилось в магнетизм, в действительное лекарство; то, что делалось инстинктуально, то теперь делается с сознанием; так должно быть во всех отраслях знания; мы должны объяснить себе все явления инстинктуальные, все, что мы знаем посредством инстинкта, обратить в знание ума, и все знания ума поверить инстинктом.

Первая вера человека (не в религиозном смысле) была безотчетное верование в свой инстинкт; для сего состояния почти нет выражения в нынешней эпохе человечества, ибо такое состояние должно было иметь и свою особую форму, как каждый народ имеет свой язык, – подобное сему состояние замечается в сомнамбулах. В сей эпохе человечества оно должно было иметь и суждение, но которое ограничивалось (модифицировалось) общим состоянием, как звук ограничивается характером той гаммы, в которой вы его взяли. Сии минуты прошли для человечества, как проходит состояние сомнамбула: от его состояния ему не остается воспоминаний, так и в человечестве от того времени не осталось памятников, человек должен в поте лица отыскивать то, что он понимал инстинктом.

Инстинктуальное чувство может развиваться в человеке и теперь посредством уединения, размышления, повторения одних и тех же предметов, однообразия оных; как, например, жизнь в одной и той же комнате может более или менее развивать это чувство, которого низшее явление есть сомнамбулизм с его разными подразделениями. Жители гор, самую природой уединенные от мира, например горные шотландцы, нежели приморские, имеющие всегда однообразный предмет перед глазами, имеют более склонности к магнетическим явлениям. Помавание руками при магнетических манипуляциях, крутотвращательное движение, в которое приводят себя танцующие квакеры, дервиши, дабы прийти в восторженное состояние, наши обыкновенные сновидения – все это имеет одно основание: уединить человека от окружающих его предметов, так сказать, утешить его чувства, привести их в опьянение, дабы дать полную силу внутреннему чувству. Таким образом, ныне сии две силы, хотя

существуют вместе, но так разделены, что для разума инстинкт есть бред, для инстинкта разум есть нечто вещественное, грубое, земное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Гутчесон Френсис (1694–1747) – английский философ, предшественник так называемой шотландской школы здравого смысла: Томас Рид (1710–1796), Джема Витти (1735–1803), Джемс Освальд (1717–1793). Эти философы исходили из того, что наряду со знанием, приобретаемым опытным путем, существуют истины, которые познаются интуитивно (вера в существование внешнего мира, например).

2.

Различие между музыкой древней и новой... – Ср. суждение Одоевского о древней музыке на с. 227. Ср. также высказывание Шеллинга, который, опираясь на «Музыкальный словарь» Ж.-Ж. Руссо, отмечал: «В новой музыке господствует гармония, которая именно и есть противоположность ритмической мелодии древних» (Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966, с. 201).

3.

В Хили... открыли следы города... – Хила – город в Ираке, вблизи которого в начале XIX в. были обнаружены развалины Вавилона.

4.

Если перенести героев древних... злодеями... – в бумагах Одоевского сохранилась заметка «Древние герои в нынешнем свете и новые злодеи в древнем». В ней названы причины, которые, по мнению писателя, «возвысили древних героев»: «1-я. В эпоху воссоздания наук пристрастие к изящному древности естественно перешло в удивление ко всему древнему. 2. В эпоху Энциклопедии по желанию противопоставить древних христианским героям». «В древности причина геройства – выгоды каст, в христианстве – идея, которой даже нет выражения, а которая понимается только чувствами», – говорится в заметке. По мысли Одоевского, «якобинцы, подражая древним героям, сделались злодеями» (ГПБ, оп. 1, э 20, л. 94 об.). Ср. примеч. 4 на с. 296 и примеч. 41 на с. 309.

5.

...мнение, что иносказания были выдумкой стихотворцев... – Имеются в виду концепции Кристиана-Готлиба Гейне (1729–1812), развитые его учениками.

6.

Курт Жебелин (Кур де Жебелен Антуан, 1725–1784) – французский ученый, писавший по проблемам гуманитарных и естественных наук.

7.

Пернетти и другие герметические философы. – Пернетти Жак (1696–1777) – французский литератор и философ; герметические философы – алхимики, считавшие, что суть их взглядов изложена в так называемой «Изумрудной таблице», автором которой является якобы Гермес Трисмегист (т. е. трижды благословенный); по имени этого вымышленного мистика названо учение.